

Сказав это, он не дал Шэнь Шивэню шанса оправдаться, обвинил его запытая ремнем и потащил к дивану, который еще не успели привести в порядок.

— Любишь доставлять беспокойство соседям? — Сун Чжичжао швырнул Шэнь Шивэня на диван и навис над ним. — Ну что ж, через минуту кричи как следует, желательно так, чтобы все соседи слышали. В такой прекрасный вечер праздника Циси нужно же им немного добавить развлечений, верно?

Шэнь Шивэнь поморщился от боли, когда его бросили, а услышав эти слова, и вовсе взвыл от досады. Ну где же его нежный, прекрасный супруг? Как он мог так радикально измениться всего за полмесяца разлуки! А ведь он всего-то перебрал алкоголя снаружи, пришел домой, намеренно устроил беспорядок и немного пошумел... ничего особенного он не делал!

Заметив, что Шэнь Шивэнь втайне не согласен с таким положением дел, Сун Чжичжао ухватил его за подбородок и грубо впился в губы поцелуем. Тот оказался настолько неожиданным, что Шэнь Шивэнь невольно издал несколько жалобных стонов, и эти звуки, прозвучавшие в самый подходящий момент, окончательно разожгли желание в Сун Чжичжао.

Он принялся жадно покусывать губы партнера, а его ладони, поглаживающие тело, становились всё требовательнее. Поцелуй, в котором сплелись их дыхания, длился недолго: Сун Чжичжао перенес свои ласки на шею, с расстановкой покусывая и облизывая нежную кожу.

Волна сладостного оцепенения мгновенно разлилась по телу, Шэнь Шивэнь задрожал, его сознание затуманилось, и он мог лишь беспомощно лежать на узком диване, позволяя рукам Сун Чжичжао скользить всё ниже и ниже по его талии.

Однако в самый кульминационный момент, когда страсть достигла пика, Шэнь Шивэнь вдруг судорожно выдохнул и поспешно перехватил руку Сун Чжичжао, которая творила что хотела.

— погоди, мне нужно тебя кое о чем спросить.

Сун Чжичжао был вынужден остановиться. Он слегка нахмурился, явно недовольный тем, что его прервали. Он приложил ладонь к губам Шэнь Шивэня, и его голос, хриплый и вибрирующий от желания, стал еще более вкрадчивым:

— Слушайся, любимый, не спрашивай сейчас. О чем бы ты ни хотел поговорить, обсудим позже.

Шэнь Шивэнь часто терял голову от этого голоса, и сейчас случилось то же самое. Его кровь забурила, он был готов позволить супругу сделать с собой всё что угодно. К тому же их лица были так близко, что Шэнь Шивэнь не мог не сглотнуть, вдыхая аромат Сун Чжичжао. Желание нахлынуло, словно прилив, и его взгляд подернулся дымкой.

Увидев, что партнер покорно замолчал, Сун Чжичжао удовлетворенно убрал руку. Продолжая подстегивать страсть, он потянулся к ящику журнального столика, чтобы достать упаковку презервативов.

Вскоре, однако, Шэнь Шивэнь перестал терпеть. Он отчетливо чувствовал, что сегодня в действиях Сун Чжичжао сквозила некая жестокость, будто тот намеренно его наказывает. Когда он окончательно выбился из сил, то взмолился:

— Маленький предок, я был неправ, пожалуйста, перестань меня мучить.

Сун Чжичжао не обратил на него внимания и лишь продолжил свое дело. Уголки глаз Шэнь Шивэня покраснели, он впился зубами в плечо партнера и глухо прорычал:

— Сун Чжичжао, ты зверь!

Услышав это обвинение, Сун Чжичжао лишь слегка приподнял бровь и, сделав короткую паузу, принялся за дело с еще большим упорством. Он даже намеренно двигался так, что голос Шэнь Шивэня стал совсем невнятным.

На исходе их близости Шэнь Шивэнь, вероятно, утомленный дневной поездкой на скоростном поезде, пробормотал еще пару ругательств в адрес Сун Чжичжао и провалился в сон прямо у него на руках.

Лунная дорожка легла в комнату, освещая обнаженную грудь Шэнь Шивэня. Сун Чжичжао укрыл его тонким одеялом, сел рядом на край дивана и провел рукой по бровям и глазам спящего, затем коснулся его губ и замер, любуясь его лицом.

Тот послеобеденный час в старшей школе до сих пор стоял у него перед глазами. Тогда на лицо спящего Шэнь Шивэня упал теплый солнечный луч. Один-единственный взгляд в его сторону — и сердце Сун Чжичжао забилось в бешеном ритме. Именно в тот момент он осознал свои чувства к Шэнь Шивэню и поддался порыву, сделав свой первый эскиз с натуры.

Тот рисунок Шэнь Шивэнь хранил до сих пор: даже заказал профессиональную рамку, чтобы уберечь его, и время от времени доставал, чтобы полюбоваться. Позже Сун Чжичжао написал еще много портретов в разных стилях, но Шэнь Шивэнь всегда отдавал предпочтение самому первому. Он говорил, что это — самая чистая любовь их юности, годы, которые стоит вспоминать всю жизнь.

Вспоминая об этом, Сун Чжичжао улыбнулся еще нежнее. Он считал, что в жизни нет

большого счастья, чем быть любимым тем, кого любишь сам, и иметь возможность идти рука об руку до самой старости.

Глава 8

Вдохновение художника часто приходит внезапно. Вот и сейчас Сун Чжичжао страстно захотелось написать портрет любимого человека в нежном лунном свете. Он на цыпочках встал, выставил кондиционер на комфортную температуру и, ориентируясь на холодное сияние луны, бесшумно установил мольберт у окна.

Глядя на Шэнь Шивэня, который сладко спал на диване, он мягко улыбнулся. Отбросив прочь все сложные мысли, Сун Чжичжао коснулся кистью холста, полностью погрузившись в процесс творчества.

Шэнь Шивэнь проснулся через два часа. Он перевернулся, приоткрыл один глаз и увидел человека, сидящего перед мольбертом. В гостиной не горел свет, было темно, и он не смог рассмотреть, что именно рисует Сун Чжичжао, решив, что тот опять запечатлевает на холсте одинокую луну за окном.

Наблюдая за сосредоточенным художником, он невольно вспомнил увиденный вечером силуэт в мастерской. В той спине читалась решимость взять на себя тяжкий груз ответственности. И в то же время — беспомощность человека, который знает, что впереди его ждет неизвестность, но обязан идти вперед. Другие, глядя на Сун Чжичжао, сказали бы, что он оправдывает ожидания своего наставника и в будущем обязательно выпустит множество выдающихся учеников. Но Шэнь Шивэнь беспокоило лишь то, не вынужден ли он идти на это, и не пожалеет ли потом о своем решении.

Заметив движение на диване, Сун Чжичжао обернулся и, встретившись взглядом с Шэнь Шивэнем, мягко произнес:

— Проснулся?

— Да, слишком уж я устал, — Шэнь Шивэнь завернулся в одеяло и перевернулся. Исходя из того, что между ними не было секретов, он прямо спросил: — Ты ведь не собираешься на самом деле брать тех троих студентов?

Этот вопрос был ожидаем. Сун Чжичжао, не колеблясь, кивнул:

— Конечно, всерьез. Я принял это решение после долгих раздумий, когда давал учителю ответ.

— Почему? — Шэнь Шивэнь не понимал его.

Сун Чжичжао неторопливо отложил кисть и, взглянув на полную луну за окном, ответил с

легкой, безмятежной улыбкой:

— Учитель уже в преклонных годах, а те трое ребят — настоящие таланты. Я просто не мог позволить жемчужинам остаться за бортом. — Это было бы слишком досадно.

— А как же ты? Что будет с тобой? — Шэнь Шивэнь сел, в его глазах читалась тревога. — Ты ведь меньше всего на свете хотел брать учеников!

Сун Чжичжао бросил на него взгляд, его глаза оставались спокойными, без малейшей ряби. Он кончиками пальцев постучал по столу с красками, и его голос внезапно стал твердым и глубоким:

— У каждого поколения своя ответственность. Искусство нуждается в преемственности.

Услышав это, Шэнь Шивэнь почувствовал, как сердце сжалось, и невольно замолчал. У него было на языке тысячи слов, но перед лицом такой уверенности Сун Чжичжао он не знал, как ответить. Он смотрел на него, сидящего в лунном свете — прямой, как струна, он находился всего в паре метров, но казался таким одиноким. Сердце словно придавило тяжелым камнем, стало трудно дышать.

Шэнь Шивэнь вспомнил звездное небо, которое Сун Чжичжао копировал в мастерской несколько часов назад. Проведя с ним бок о бок много лет, он понимал истинный смысл той картины. Это был безмолвный манифест бесстрашного безумия, борьба с судьбой и нежелание мириться с реальностью. Но как бы Сун Чжичжао ни стремился к свободе, он оставался последним закрытым учеником великого мастера Фу Яньчэна, а значит — обязан был нести ответственность за искусство и воспитать множество преемников. Такова истина: чем выше возможности, тем тяжелее ноша.

— Ладно, не будем об этом.

Шэнь Шивэнь не выдержал гнетущей атмосферы и решил прервать тишину. Завернувшись в одеяло, он подошел к Сун Чжичжао, чтобы взглянуть на картину. Как он и ожидал, тот снова рисовал его. Шэнь Шивэнь положил руку на плечо Сун Чжичжао и самодовольно усмехнулся:

— А-Чжао, ты рисуешь меня уже столько лет, неужели тебе не надоело?

Сун Чжичжао поднял взгляд на картину: это был лишь набросок, черты лица еще не прорисованы, как он догадался? Он притворился холодным, взял кисть и продолжил выводить линии:

— У меня тут даже лица еще нет, как ты понял, что это ты? И вообще, ты прав, ты мне уже осточертел. Поэтому я решил через пару дней найти нового натурщика, буду приглашать его в мастерскую каждый день и рисовать прямо у тебя на глазах.

Шэнь Шивэнь знал, что тот специально его злит, но не смог сдержать приступа ревности. Он с силой сжал плечо Сун Чжичжао и свирепо пригрозил:

— Посмей только! Если я узнаю, я лично отымею тебя у него на глазах, а потом выкину его вон!

Вдыхая густой аромат ревности в воздухе, Сун Чжичжао закусил губу, сдерживая смех. Увидев, что тот молчит, Шэнь Шивэнь окончательно разозлился, выхватил у него кисть и в ярости воскликнул:

— Почему ты молчишь? Ты что, решил стать подонком, который спит со мной, а потом сбегает?

Сун Чжичжао ничуть не рассердился из-за отобранной кисти. Он мягко взял его за руку и принялся успокаивать:

— Если бы я хотел сбежать, то сделал бы это еще шесть лет назад, зачем ждать сегодняшнего дня? К тому же ты знаешь: я люблю только тебя.

От этих внезапных нежных слов у Шэнь Шивэня вспыхнули щеки. Он уставился на макушку Сун Чжичжао, гадая, когда же тот научился этим сладким речам, которые лишают его рассудка.

<http://bllate.org/book/28708/3471257>